

Россинская Светлана Владимировна, гл. библиотекарь библиотеки «Фолиант» МБУК «Тольяттинская библиотечная корпорация»; e-mail: rossinskiye@tlt.ru

РОМЕН РОЛЛАН: СЖИГАЯ МОСТЫ...

Развернутый анонс литературного расследования в библиотеке «Фолиант» МБУК ТБК к 1...-летию со дня рождения французского писателя

«За одну минуту любви больше узнаешь о человеке, чем за месяц наблюдений». Роллан Ромен.

Ромен Роллан (29.01.1866 - 30.12.1944), французский писатель, нобелевский лауреат по литературе, автор романов *«Жан-Кристоф»*, *«Очарованная душа»*, *«Жизнь Бетховена»*, *«Рамакришна»*. Кроме того, он был ученым-музыковедом и крупным общественным деятелем.

Звание нобелевского лауреата Роллан получил в 1915 году, после того как полтора года без сна и отдыха проработал в женевском Красном Кресте, когда Европа захлебывалась кровью войны. В Швейцарии он оказался, по сути, в изгнании, потому что поссорился с собственным правительством, которое считал продажным, милитаристским, античеловечным.

Сначала Роллан был безоговорочным сторонником России. В июне 1935 года писатель посетил Москву, где состоялась его аудиенция у Сталина: он пытался убедить советского вождя *«смягчить методы»*. Потом были мучительные посиделки на даче у Горького, больного, совершенно серого, из последних сил разыгрывавшего энтузиазм.

А когда летом 1939 года Сталин подписал с Гитлером пакт о ненападении, когда по вине Москвы были сорваны военные переговоры между Англией и Францией, Ромен Роллан впал в гнев. Он возмущался и проклинал себя за то, что был так слеп. Впрочем, как и огромное число других французских интеллектуалов - и **Сартр**, и **Жид**, и **Арагон**.

После женитьбы на переводчице **Майе Кудашевой**, и особенно после того, как во Франции был опубликованopus некоего **Анри Гильбо** под жирным заголовком *«Государственный брак Романа Роллана - узника Кремля»*, у писателя полностью открылись глаза на советскую Россию.

Журналист в статье обозвал его жену Майю *«подосланной к старичку Роллану русской шпионкой»*. Это известие чуть не убило Роллана, и он сказал:

- *Если это правда, я хочу умереть. Прямо сейчас. У меня есть пистолет.*

Что же произошло? Была ли причина для обвинений Майи Кудашевой?

Почему ее всю жизнь словно конвоир заключенного, сопровождал страх? Почему она мечтала всю жизнь убежать от этого страха, а он гнался за ней по пятам, еще не успела она родиться. Майя скрывала его тщательно, с решимостью преступника, прячущего главную против себя улику, но шила в мешке не утаишь. За что же ее запятали перед всем миром, перед историей, перед Ролланом?

В ходе литературного расследования читатели библиотеки, активисты ее литературного клуба «Прикосновение», вместе посмотрят документальный фильм *«Ромен Роллан и Мария Кудашева»* из цикла *«Больше, чем любовь»*, а также буктрейлер, снятый по роману Роллана *«Кола Брюньон»* библиотекарями Центральной городской библиотеки г. Пскова. Прикоснувшись чуть больше к биографии писателя-антифашиста и истории его любви к русской женщине, смогут получить исчерпывающие ответы на все поставленные вопросы.

Итак...

Тайна происхождения

Судьба сплела достаточно замысловатый узор, подготавливая встречу Майи и Роллана. Едва ли они когда-либо имели бы шанс познакомиться близко, если бы девочка до восьми лет воспитывалась неподалеку от Парижа; у сестры своей матери. Она была наполовину француженкой, этот язык для нее был родным.

Майя не знала, то ли благотворить ей свое темное происхождение, или проклинать его, но только совершенно ясно, что тот самый страх, который ее вечно преследовал по жизни, прицепился к ней еще в материнской утробе.

Мать Майи, хорошенькую француженку **Меку Кювилье**, привез в Москву ее первый любовник и, естественно, бросил. Пришлось надрываться в чужой стране гувернанткой... Как избавилась ее мамаша **Мека Кювилье** от первой нежелательной беременности, так собиралась избавиться и от Майи. Не до детей ей было.

Майка родилась, когда ее мать Мека служила в доме какого-то высокопоставленного московского полковника, от этого самого полковника. Повитуха, ловко делавшая аборт с спицей, освободила Меку от беременности в первый раз, но смертельно заболела к тому моменту, когда мадемуазель Кювилье вторично потребовались ее услуги.

Майка, словно опасаясь покушения на свою жизнь, поспешила выскочить из материнского чрева на два месяца раньше срока. Но мало кто обрадовался ее дерзкому и незаконному появлению на свет: полковник - его имя мать так никогда и не открыла Майке - приказал своему ни в чем не повинному конюху **Павлу Михайлову** записаться отцом девочки, и тому пришлось дать «дочке» свое отчество. Официально она - **Мария Павловна**. По матери она - **Кювилье**, по первому мужу - **Кудашева**, по второму - **Роллан**.

«Если принц проскачет мимо, значит он - слепой»

К первому браку с юным князем **Сергеем Александровичем Кудашевым**, племянником философа **Николая Бердяева**; по материнской линии - потомком шведских королей, 20-тилетнюю Майку привел тернистый путь из многочисленных влюбленностей и любовей.

Майка с ранней юности писала стихи, сестры Цветаевы, с которыми она дружила, даже находили у нее поэтический талант. Возможно, ей передалось это по наследству от безымянного отца, но Майка была из тех женщин, которые втайне считают, что заслуживают самой завидной участи, и если неотразимый принц на белом коне проскачет мимо, то это означает: он просто страдает дефектом зрения.

В дневнике она писала так *«17 июля 1910 года я встретилась с Сережей Шервинским, и это был прелестный роман! А после семнадцати лет я узнала Макса, и любила его, и поехала в Коктебель, а там, во время любви к Макс, не разлюбляя его, полюбила короля (Фельдштейна). А после полюбила Бальмонта, а после Вячеслава Иванова...»*

Однажды Майка вместе с подружками Лизой и Верой Эфрон сидела и болтала на дачной террасе у Макса Волошина. Они, как всегда дурачились, а потом кто-то - Макс, или Сережа Шервинский, или Фельдштейн? - предложил написать «письма очарованных поклонниц» трем известным не нашим людям - Шоу, Уэллсу и Роллану.

Шел 1913 год, первый Майин год в Коктебеле среди этих богемных неумных выдумщиков, да и мистификации были в моде с легкой руки самого Волошина. А если честно, то Майя Кювилье слыхом не слыхивала, кто такой этот Ромен Роллан, но Макс утверждал, что чуть ли не самый знаменитый писатель-француз, пацифист... Макс встречался с Ролланом еще в 1901 году в Париже, в мастерской русской художницы Елизаветы Кругликовой.

И вот пришло ответное письмо. Никогда бы Майка не подумала, что такие солидные люди, знаменитости, отвечают легкомысленным девчонкам вроде нее.

Но переписка не завязалась: Майке было некогда - на горизонте появился красавец Сергей Кудашев. Он был настоящим князем - голубых кровей, обаятельным, аристократичным, остроумным...

Майка понимала, что сама-то она не красавица - маленькая, слишком худая, с темно-русскими прямыми волосами. Но в ее небольших глазах горел заводной огонь - она всегда была готова на любые приключения, вот жизнь и подбрасывала ей их одно за другим.

В 20-летнем князе было еще очень много мальчишеского: когда они с Майкой венчались в Москве, Сергей опоздал в церковь на целый час, и невеста уже переполошилась - не сбежал ли жених под венца? Свидетели потом рассказали, что застали жениха во дворе одетым для брачной церемонии, вот только он был полностью поглощен запуском воздушного змея.

В 1916 году мужа Сергея призвали на Юго-Западный фронт, и Майке все казалось, что это такая игра, что он сам напросился на войну, чтобы подольше подурчиться.

Рожать Майка, соломенная вдова, отправилась в имение своей свекрови Екатерины Васильевны Кудашевой под Житомир в Митрофановку, и там случилось нечто страшное. Октябрьский переворот был уже позади, но Майка толком не понимала, что это такое. Она часами качалась в саду в кресле-качалке, чтобы развлечься, плела себе венки из ромашек, пока ее добрая свекровь Екатерина Васильевна энергично готовила приданое будущему внуку.

В один прекрасный день раздались громовые удары в ворота, и во двор ввалилась ватага пьяных оголтелых крестьян, вооруженных огромными вилами для уборки сена. С криками «Долой хозяев!» они бросились прямо на Майку.

В паническом ужасе Майка кинулась в дом, а здоровенный детина с вилами - за ней. Майка успела заскочить в комнату и запереть дверь, преследователь стал колотить по ней вилами, грозясь вышибить. Она заползла под кровать, а детина вдруг, словно потеряв к ней интерес, перестал колошматить в дверь, и внезапно все стихло.

Майка оказалась живучей и, видимо, очень здоровой, потому что после пережитого кошмара умудрилась через несколько дней родить крепкого сына, тоже Сережу. Долго она потом молилась, чтобы никогда ей больше не довелось испытать того страха, что тогда, под кроватью.

«Готовься, девка, расстреляют»

В 1920 году князь Сергей, муж Майи, сражавший в рядах Белой гвардии, умер в Туапсе от сыпного тифа. И возникла угроза, что вот-вот умрет от голода и плохого ухода маленький Сережа, их сынишка. Майя вместе с Асей Цветаевой подхватились и помчались спасаться к Максиму, в Коктебель. Тот сам ходил понурый, полуголодный, растерянный и ничем им не мог помочь. Тогда молодые женщины ринулись в Феодосию на заработки.

Прямо на вокзале они наткнулись на сгоревший санитарный поезд - из обугленных клеток вагонов торчали черные скелеты. Повсюду подводы, беженцы, лошади, солдаты, необрунные трупы на улицах...

Власть в Крыму все время менялась то белые, то красные, то бандиты какие-то - сам черт не разберет. Однажды Майка быстро, почти бегом шла по улице - спешила к сыну, и тут дорогу ей преградил огромный страшный мужик в папаше, с саблей наперевес. Ей в ужасе запомнилось: лицо черное, глаза дикие, волчьи, грудь и руки мохнатые, как у зверя.

- *Идешь со мной - и только!* - рявкнул тот и схватил Майку за руку.

Это был сам батька Иван, на тот момент правивший Феодосией, - то ли коммунист, то ли разбойник. Его как огня боялись местные жители: он расстреливал без суда и следствия две категории людей - офицеров и спекулянтов, а под них мог попасть кто угодно.

Майя слышала несколько историй о том, как он приказал повесить двух девушек, которые посмели отказать ему. А Майя не посмела. Батька Иван пользовался ее телом, а за

это давал продукты, шоколад и даже двух битюгов предоставил в качестве охранников - те ходили за Майей по пятам чуть ли не в уборную.

Но за одну ночь власть переменялась, свергли батьку Ивана, погнали из Феодосии его банду - по слухам, пришли красные и принялись сажать всех батькиных приспешников, а ее, Майю, «княгиню» и «сожигательницу», первую.

Как-то в камеру вошел начальник тюрьмы, подмигнул ей косым глазом и, причмокивая, интимно шепнул: *«Готовься, девка, расстреляют»*. После этих слов Майя потеряла сознание... Еще через день пришли белые - и пленницу освободили.

В чертовом колесе

В неузнаваемую - зловещую, разоренную, голодную Москву вернулась неузнаваемая Майя: исхудала, буквально в жердь превратилась, смуглое лицо пожелтело, осунулось, повадками она стала напоминать напуганную и вечно настороженную лань, длинная шея вытянулась еще больше, а подбородок то и дело начинал непроизвольно дрожать, словно она собиралась заплакать...

Ей тошно было в зеркало смотреться, себя она больше не узнавала, и это в 26 лет! Видели бы ее сейчас прежние подруги! Однажды, от тоски перебирая старые бумаги, Майка наткнулась на письмо **Марины Цветаевой**, которое та написала еще прежней - красивой, легкой, неотразимой Майке в тепер уже далеком и невозвратимом 1913 году: *«Ах, Майя, вся ваша жизнь будет галереей прелестных юношеских лиц с синими, серыми и зелеными глазами под светлым или темным шелком волос...»*

Читая это, Майя зло заплакала: какая ирония, какая издевка! Великая провидица Марина! Видела бы она *«прелестное юношеское лицо»* батьки Ивана! Из друзей тепер рядом никого: Ася Цветаева уехала, Макс далеко, Вячеслав Иванов на Кавказе, многим удалось-таки вырваться на Запад.

Брат Майиной свекрови, профессор **Лев Александрович Тарасевич**, устроил Майю во французское консульство, куда ее охотно взяли из-за свободного владения языком. И пошла-поехала новая дикая жизнь. Они с сыном ютились в одной комнатенке в «уплотненной» квартирке в Староконюшенном переулке, где с утра выстраивалась очередь соседей в грязную неопрятную ванную: и Майе надо успеть, и девяностолетней бабушке, и работяге-алкоголику, плюющему и харкающему прямо на пол.

«Тут такая жизнь, даже чулок приличных нет...»

Однажды вызвал Майю «на ковер» ее начальник товарищ **Лукьянов**. Встал ей навстречу из-за стола и вдруг сделал вид, что поднимает подол длинного платья: *«Тут, понимаете, такая жизнь, даже чулок приличных нет...»* - издевательски прошепелявил он писклявым голосом.

- *Узнаете себя, Мария Павловна?* - грубо спросил Лукьянов.- *Вы не постеснялись поднять перед иностранцем свое, извините, исподнее и продемонстрировать чулки в дырках! Позор вам, советской гражданке! Да, кстати, не забудьте поделиться с товарищами подарками. Ну, что он вам там всучил в пакете?*

В несчастной Майиной голове все мысли спутались в клубок, она испуганно смотрела на Лукьянова и силилась сообразить, что к чему. Он что, ясновидящий? Ведь вчера они с **Жоржем Дюамелем** - французским писателем, приехавшим в Москву (ее назначили его переводчицей), были в номере отеля совершенно одни. От Дюамеля, гладко выбритого, в дорогом костюме, упоительно пахло французским одеколоном, так пахло, что вся прежняя беззаботная дореволюционная жизнь с влюбленностями, флиртом, подарками и стихами мучительно всплыла в памяти Майки.

А еще Дюамель читал ей свои стихи, как это делали все ее «бывшие», прежние... А она читала ему свои - у нее ведь много французских стихов. А потом переводчица Майя

Кудашева впала в истерику - разрыдалась, жаловалась, в самом деле демонстрировала драные чулки...

А этот Дюамель стоял как чурбан - наверное, испугался очень ее припадка, или она уже не способна нравиться интересным мужчинам. До такси ее вызвался проводить, куцее пальтишко помог надеть.

«Господи! Если есть на свете человек, подобный Жану-Кристофу, пусть я его встречу, пусть он будет мой!»

Напоследок обессиленная Майя все же сунула Дюамелю письмо, которое написала тому самому Ромену Роллану, который когда-то, давным-давно, ответил на их с Максом послание. Пусть Дюамель передаст *«ее доброму знакомому»* Ромену Роллану ее французские стихи, может, тот захочет их пристроить в какое-нибудь издательство.

Откуда в Майиной голове в тот период вообще взялись мысли о Роллане? С легкой руки свекрови она прочла несколько томов его романа **«Жан-Кристоф»** и, кажется, впервые в жизни по-настоящему влюбилась. Да вот только в литературного персонажа, в этого неприкаянного гениального музыканта Жана-Кристофа.

По ночам Майя откладывала роман и произносила: *«Господи, услышь меня: если есть на свете человек, подобный Жану-Кристофу, пусть я его встречу, пусть он будет мой. Господи, я не могу так больше жить!»*

Тогда и пришла ей в голову мысль написать Роллану - адрес его она отыскала в своих старых бумагах, может, ей повезет, и он не изменился. В общем, это письмо было каким-то интуитивным тычком, что называется пальцем в небо, наугад, наудачу, просто так, от отчаяния, от тоски, безо всякой конкретной цели...

Предложение, от которого нельзя отказаться

...На второе, после более чем 10-летнего перерыва, Майино письмо Ромен Роллан ответил длинным подробным посланием. Он разбирал ее стихи, давал профессиональные советы, расспрашивал о личном - сколько ей лет, как живет, есть ли у нее семья, муж...

Майе снова показалось странным, что занятой знаменитый человек тратит столько времени на все эти едва ли интересные ему подробности. Неужели ему не с кем поговорить? У Роллана-то наверняка и жена, и семья, и все в полном порядке...

А еще через пару писем француз пригласил Майю к себе, в свой дом в Швейцарию, в городишко Вильнёв - *«поработать в качестве секретаря-помощника для подготовки русского издания его произведений»*. Роллан написал в приписке, чтобы Майя не волновалась о визе - он сам обратится с просьбой к Горькому, *«моему другу»*, и тот похлопочет, ну и, разумеется, о деньгах Майя тоже может не беспокоиться - все за его счет.

Перед отъездом Майю вызвали в специальный отдел.

- *А теперь говори, что и зачем писала Роллану*, - пробасил начальник

Специальные «товарищи» объяснили ей - на нее надеются, ей верят, у симпатизирующего социализму Роллана с Майиных слов должно сложиться самое лучшее впечатление о России: люди счастливы, нищих нет, беспризорники накормлены и учатся, все полны энтузиазма и благодарят власть Советов. Две пары французских шелковых чулок и флакон духов, подаренные расчувствовавшимся Дюамелем, Майе пришлось послушно отдать товарищу Лукьянову.

Она отлично все поняла: просто надо избегать говорить о себе, да и нечего ей рассказывать, ну работает, зарабатывает, сын растет - все нормально; и чулки у нее целые, и даже туфли лаковые на каблуках для выхода есть.

Какой чужой нищей замарашкой чувствовала себя Майя пугливо озираясь на Северном вокзале в Париже, где они договорились встретиться с Ролланом. Вокруг нее деловито, самоуверенно сновала нарядная толпа, а она стояла в куцем жакетике, одолженном

у свекрови, в явно старомодной шляпе ее слишком широкими полями, каких в Париже в 1929 году уже никто не носил.

- *Мадам Кудашева?* - Ей кланялся какой-то усатый толстяк в шляпе - явно не Роллан, она изучила его фотографии.

Толстяк оказался «помощником» и повез совсем оробевшую Майю в гостиницу, куда месье Роллан за ней придет. Добротный просторный номер, дверь в смежную комнату почему-то оказалась закрыта. Страшно волнуясь и не снимая дурацкой шляпы, Майя уселась на стул и ерзала как на иголках.

Помощник испарился, и Майя поспешно подскочила к большому трюмо, сорвала шляпу и принялась нервно взбивать волосы, потом сняла жакет и стала поправлять шелковую блузку, которая, увы? болталась на ней, как на манекене, - свекровь-то дама полная, при груди, а Майя худенькая. Она распрямила плечи и выставила грудь вперед колесом, потом вздохнула, уныло показала себе язык и быстро натянула обратно жакет.

Едва она успела снова опуститься на стул, как совершенно неожиданно открылась запертая смежная дверь, и из-за нее появился Ромен Роллан, в точности похожий на все свои портреты: высокий, худой, светловолосый, с правильными чертами лица и немного орлиным профилем. Маня сразу заметила, что глаза у него голубые, глубоко запавшие и какие-то очень несчастные.

Она заранее подсчитала - ему сейчас 63 года, практически на тридцать лет больше, чем ей. Но для своих лет он отлично сохранился, совсем не похож на старика, может, худоба придавала ему молодость, а может, безупречно элегантный темный костюм.

Что он делал все это время за запертой дверью? И тут ее осенило: да он наверняка разглядывал ее в замочную скважину! А она-то перед зеркалом вертелась, хорошо, не стала блузку переодевать! Майя покосилась на Роллана любопытным глазом - и он смущенно кашлянул: понял, что она догадалась. И вдруг ей стало легко - он совсем не страшный, этот знаменитый писатель, раз способен подглядывать, как мальчишка.

Из московской преисподней - в рай обетованный

Дом Роллана стоял на самом берегу вот этого бесподобного, единственного в мире озера, вокруг дома раскинулся пышный сад с многочисленными розовыми кустами, из окон виднелась бесконечная водная гладь и птицы... Как они здесь заливались! Майе показалось, что в Москве она не слышала птиц целую вечность, похоже, там их попросту больше не стало, улетели вместе с прежней жизнью.

Но главное, что сразило ее здесь, - покой, безмятежный, какой-то старинный, несовременный и нерусский покой, и неспешность - они были разлиты по всему маленькому городку Вильневу с плывущим запахом пекущегося хлеба, корицы и мяты. Суматошная, горланящая, спешащая, опасная Москва отсюда казалась настоящей преисподней. Но об этом нельзя.

Мадам Роллан оказалась красивой дамой, называвшей Романа Ромео; она была ученая, говорила в основном цитатами и ни словечка в простоте. Своему Ромео мадам Роллан восторженно смотрела в рот и упоенно ловила каждое его слово. Всем в доме распоряжалась она.

Майя сразу догадалась, что лишним словом ей с Ролланом перекинуться не дадут и наедине не оставят. Жаль, французский писатель сразу приглянулся ей - интересный, с аристократическими руками и манерами. Как он, должно быть, был красив в молодости!

И как же, оказывается, приятно, когда тебе целуют руку, умело, изящно подают пальто, говорят милые комплименты... Как отвыкла Майя от всего этого, а ведь когда-то ей казалось, что она создана для любви!

Потрясающее признание

Мадлен заметила, конечно, как Ромен украдкой бросает равнодушные взгляды на Майю, и потому ограничила время их работы над рукописями - строго с половины пятого до семи, и ни секундой больше. Уезжая обратно в Москву, Майя готова была биться об заклад, что они уже никогда не увидятся.

Мадам Роллан не скрывала своего облегчения, что русская наконец уезжает. А вот Ромен был очень грустен. Перед самым ее отъездом они провели около получаса наедине, и Роллан сделал потрясающее признание:

- Мадам Роллан, Мадлен, мне не жена, а сестра, я очень ценю ее доброту, но... она спасла меня от смерти, выходила после очередной вспышки чахотки. Знали бы вы, чего мне стоило Вас пригласить! Мадлен собиралась выучить русский, чтобы только Вас тут не было.

Раньше Майя только в книгах читала о том, что бывает такая страсть сестры к брату, ну, или наоборот, а оказалось, что еще как бывает.

Сестринская жертва, или на откуп валькирии

Ромен и его сестра Мадлен, которая была на шесть лет моложе, выросли в тихом провинциальном французском Кламси в семье нотариуса.

В 1892 году Роллан, в те годы молодой профессор Сорбонны, посмел жениться на дочери знаменитого лингвиста **Мишеля Бреалья - Клотильде Бреаль**. В ответ на лице матери на много лет застыла маска негодования - Клотильда же еврейка, безбожница.

А сестра была в отчаянии и ревновала. Но Мадлен оказалась шустр и проворна: она выслеживала легкомысленную Кло с нюхом ищейки и докладывала брату обо всех ее встречах с приятелями в кафе Латинского квартала, невинных и не вполне улыбках, расточаемых новоиспеченной мадам Роллан молодым людям.

Мадлен первая пронюхала про шашни Кло с известным пианистом Корто, и когда ничего не подозревающие любовники предавались радостям в одном из пригородных романтических отельчиков, Мадлен, устроившись в кафе напротив, строчила Ромену подробный полицейский отчет: где, во сколько, во что одеты, как выглядит швейцар отеля и т.д. и т.п.

Через девять лет Роллан развелся с Клотильдой, несмотря ни на что испытывая перед ней смутное чувство вины: на самом деле виновата была в основном Мадлен, а слишком совестливому Роллану казалось, что это он недостоин любви - скучен, сух, не умеет развлекать, вот и поделом ему.

Тридцать лет одиночества под присмотром бдительной старой девы для красивого влюбчивого мужчины - это что-то! Но у Мадлен был отличный козырь - здоровье Романа. С детства его большие легкие требовали наблюдения и ухода, юношеская вспышка туберкулеза грозила повториться. И Мадлен после развода Романа с женой *«принесла себя в жертву»* - поселилась с братом и следовала за ним как тень.

Он уже понял к тому моменту свое призвание и бросил преподавание - писал книги, романы, статьи, и Мадлен, получившая неплохое гуманитарное образование, заменяла ему секретаря. Однажды Ромену понадобился помощник, знающий английский, - и как раз у него наметился роман с очаровательной американской журналисткой **Талией Го**.

Как и впоследствии Майю, Роллан пригласил Талию к себе под предлогом помощи в работе. Так Мадлен в рекордно короткие сроки настолько преуспела в изучении английского языка, что поправляла несчастную Талию на каждом слове, выставя ее необразованной дурой, стыдила за незнание британского языка и высокомерно насмехалась над ее американским. Оскорбленная девушка уехала, порвав отношения с Ролланом.

Когда Роллан заинтересовался Востоком и стал собирать материалы для своих романов о Рамакринше и Вивекананде, труженица и ревнивица Мадлен овладела даже труднейшим бенгальским.

Майя уже догадалась, что этот человек, Ромен Роллан, такой смелый и независимый в вопросах духа и творчества, готовый перед всем миром отстаивать собственную точку зрения, что он и делал, свою личную жизнь отдал на откуп этой валькирии - своей сестрице, жалел ее, боялся обидеть, готов был ради нее страдать сам.

«Замуж выходить будем? Готовить Вас будем?»

В Москве Майе пришло новое письмо от Роллана, но «товарищи» сочли нужным вскрыть и ознакомиться первыми.

Ромен писал, что *«поймал себя на чувстве к ней»*, что он *«постоянно ее вспоминает и не может выбросить ее образ из головы»*, - словом, он зовет погостить ее надолго, разумеется, вместе с сыном, чтобы они получше присмотрелись друг к другу, и тогда, возможно...В общем, Роллан был, как всегда, не слишком определен, зато «товарищи» однозначно восприняли его письмо как предложение Майе выйти за него замуж.

... - Ну что, Мария Павловна, замуж выходить будем? Готовить Вас будем? Провожать, так сказать, в дальний путь?

Майя стояла перед «товарищами» в знакомом специальном отделе и думала: *«О чем они? Издеваются? Пьяны? Изволят шутить?»*

И с этой секунды все закрутилось, как мгновенно сменяющиеся картинки в калейдоскопе. Оказалось, что Майя и удивилась, и не удивилась. Как ни странно, она предчувствовала что-то в этом роде. Провожая ее на вокзале, Роллан слишком долго держал ее руку и не спешил отпустить.

Хотела ли она поехать к нему? Еще как! Мечтала, рвалась. Только бы побыстрее, поскорее вон из этого адского, давно чужого и бесприютного города, от этого нищенского прозябания, от ежедневной унижительной пытки на службе - туда, в покой, уют, сытость; и к нему, да, к нему, немолодому, странному, нелепому, но доброму - Майя это знала и чувствовала: доброму, милому, о котором хотелось заботиться, которого хотелось согреть, любить пусть без страсти, но искренне, ровно.

А главное, Майя безошибочно чувствовала, что он сумеет любить ее той возвышенной абсолютной любовью, о которой она мечтала в молодости. В Роллане есть что-то от Дон Кихота, а ей так не терпится стать для кого-то Прекрасной Дамой, а не просто подстилкой на час.

А Мадлен? Что Мадлен?.. Если только Майя в самом деле станет законной женой Роллана, она с ней как-нибудь уж поладит. Ну, а если даже Ромен и не женится на ней, что вовсе не исключено, так она с сыном готова остаться кем угодно в этом чудесном Вильневе, хотя бы и горничной у кого-то, как ее мать, - все лучше, чем здесь. Потом они, может, в Женеву переберутся, а там кто знает, как сложится ее жизнь?

- ...Сережка, счастливый, ты будешь жить в Швейцарии, гулять с тобой будем, путешествовать, велосипед тебе куплю... А сколько там твоего любимого шоколада, ты не представляешь! Горы, тонны... В Швейцарии самый лучший шоколад в мире! - мечтательно не говорила, а пела Майя сыну-подростку, у которого глаза загорелись от такой перспективы, и он все донимал мать вопросами: ну, когда же, когда едем?

Вся их крошечная комната была перевернута вверх дном, беспорядочно завалена вещами, тканями, старыми платьями, Сережинными игрушками. Майя готовилась к отъезду. И вдруг удар в спину: Сереже ехать нельзя, ему не дают визу. Почему? Как же так? А «товарищи» Майе спокойно так объяснили: мол, он советский мальчик, ему тут учебу продолжать надо.

Да с кем же он останется без матери? На все был готов ответ. Как с кем? А бабушка на что, Кудашева Екатерина Васильевна?

И заметалась Майя. Куда же она без сына, как расстанется с ним, как оставит, как в глаза ему смотреть будет? И решила: без Сережи никуда она не поедет.

- ...*Нельзя уже Вам, Мария Павловна, не ехать. Роллан ждет, он Вам не мальчик какой-нибудь, солидный человек с именем. И потом, небольшая просьбушка к Вам... Без Вас некому исполнить...*

Опутали ее «товарищи», поймали. И снова Майя оказалась в засаде, вся ее жизнь с юности - одна сплошная ловушка. Сережу-то они хотят в заложниках оставить. Если она там что не так сделает или не то скажет - сын у них, а она - на крючке.

Через Майю «товарищи» из Москвы надеялись влиять на Роллана, еще больше расположить его к России, ведь у него огромный вес в мире, оказывается.

В роли героини провинциального сентиментального романа

Жанр сентиментального любовного романа Майя с юности презирала, и вот оказалась его героиней. Третий год подряд безвыездно, безвылазно она жила в маленьком беленом домике на окраине Вильнёва, а пожилой французский писатель Ромен Роллан ее навещал.

Мадлен при известии, что брат намеревается сделать предложение русской, сообщила, что она будет защищать Романа от этой «наглой бестии» до последней минуты своей жизни. Сестрица заставила Роллана запросить у Горького подробнейшую информацию о Майе Кудашевой, Горький («товарищи» не дремали.) дал ей отменную характеристику человека высоконравственного, идейного.

- *Испытательный срок*, - заявила тогда несгибаемая сестрица, - *вы должны пройти испытательный срок, проверить свои чувства.*

- *Лет десяти хватит?* - попробовала мрачно пошутить Майя.

Наивный Роллан всерьез рассчитывал, что они припеваючи заживут втроем. Вот уж кто был неисправимым идеалистом! Но, выяснив, что для брака с Майей придется переступить через труп Мадлен, Роллан совершенно потерялся, сник, словно ребенок, надеявшийся получить на Рождество подарок, который ему так и не преподнесли.

- *Вы, конечно, уедете теперь*, - виновато бормотал Майе Роллан, избегая смотреть ей в глаза, - *вы презираете меня*, конечно, но я не могу вот так с Мадлен... ну, удалить, пренебречь... Не могу...

Он виновато топтался вокруг Майи, уверенный, что она, оскорбленная в своих чувствах, тотчас ринется обратно домой, в Москву, а ей, считай, уже некуда было возвращаться, она сожгла за собой все мосты.

Роллана до глубины души тронуло и потрясло то, что она осталась, согласилась жить одна в арендованном домике, работать с ним, помогать ему и ждать - вдруг удастся переломить настроение Мадлен.

Единственное, чего Роллан не мог понять: как Майя могла оставить в Москве сына, почему не привезла с собой? Стараясь ничем не выдать своих чувств, Майя сказала, что Сережа настолько привык к школе, к друзьям, к особой московской атмосфере, что здесь, в маленьком городке, ему было бы непривычно, плохо.

«Русские женщины - особенные...»

- *Я всегда знал, что русские женщины - особенные*, - с восхищением твердил Роллан Майе, и его голубые, чуть выцветшие глаза смотрели на нее с обожанием.

Тот факт, что Майя осталась, несмотря ни на что, озадачил и мадам Роллан, словно противник сделал непредсказуемый ход в шахматной партии, на который неизвестно, как реагировать. Майя отлично понимала, что Мадлен ждет, когда ей все осточертеет и она сбежит, а Майя, напротив, быстро привязалась к Роллану той нежной, заинтересованной дружбой, которая гораздо прочнее любви.

Кто заботился о ней последние долгие годы? Да никто. Черда случайных любовников, одноразовые нежности, трудный быт...

А Ромен являлся в беленый, чистенький и умиротворенный домик ежедневно с подарками, как Санта-Клаус. Не с бриллиантами, нет, зато с бесподобными, невиданными пирожными, которые специально заказывал для нее в кондитерской, или с отменно приготовленным поросенком, купленным у соседа в ее честь.

А однажды Роллан трогательно принес пару шелковых свертков, которые развернул перед Майей с видом фокусника: *«Все твое!»*

Там оказались потрясающие индийские самоцветы, когда-то привезенные Ролланом с Востока - россыпь опалов, агатов, сапфиров: кто-то когда-то ему преподнес, а он сберег.

У Майи разбежались глаза, а Роллан... запрыгал на одной ноге, видя ее восторг! Впервые в тот вечер она заметила, что складка у его рта потеряла страдальческую жесткость. Его трудно было не полюбить - на самом деле он был дитя: искреннее, непосредственное.

Теперь наконец она поняла, что такой человек в самом деле верил в то, что мир можно изменить любовью, а зло происходит от недостатка просвещения - о чем писал он и в *«Жан-Кристофе»*, и в *«Очарованной душе»*, и в *«Жизни Бетховена»*, и в *«Рамакришне»*.

В один из апрельских дней 1934 года в мэрии города Вильнева в присутствии двух свидетелей Майю и Роллана записали мужем и женой. Мадлен в конце концов сдалась, испугавшись, что из-за ее упрямства выйдет еще хуже - брат на старости лет попросту устроит скандал, перебравшись насовсем в беленький арендованный домик.

Переехав на виллу Ольга новоиспеченной хозяйкой, Майя думала, что будет переживать из-за того, что Мадлен приказала вынести и поставить в чулан всю выбранную ею новую мебель для их с Ролланом спальни. Или из-за того, что сестрица упорно стучалась к ним среди ночи с нелепыми жалобами, что кто-то скребется на чердаке. Или во время визитов гостей, когда Мадлен бесцеремонно оттесняла Майю от двери и совала свою сухонькую руку со словами: *«Мадам Роллан»*.

Первое время Майе было неприятно, что Мадлен называла ее *«дорогуша»*, как французы величают прислугу... Но очень скоро она переняла добродушие Ромена и стала относиться к Мадлен как к назойливой, но безобидной собачонке, которую надо неустанно ставить на место, но пнуть или грубо изругать жалко.

Странно или нет, но первые месяцы после свадьбы были самыми безмятежными в жизни Майи. Майе стало казаться, что так это было всегда и будет всегда - их поздние совместные обеды с Роменом на фоне закатного солнца, бутылка местного сладковатого вина, разговоры о русской литературе, его бесконечные нежные, замысловатые комплименты.

Майя жила словно заснула, словно забыла всю свою предыдущую бурную жизнь, свой вечный страх, забыла сына, Москву, саму себя, свое прежнее имя - Роллан называл ее Марией.

«Это противоречит моим убеждениям»

Из Москвы через знакомых Майе иногда передавали «просьбы»: Роллану «хорошо бы» тиснуть пару прокоммунистических статей в несколько французских изданий, выступить на писательском конгрессе, не забыв упомянуть то-то и то-то. Майя научилась не вдаваться в смысл всех этих *«просьбишек товарищей»*, и как бы между прочим передавала их Роллану словно от своего лица.

Неужели кто-то всерьез думал, что она, жена без году неделя, в самом деле могла бы влиять на политические и социальные убеждения такого мыслителя, как Роллан? Часто бывало так, что Майя говорила свое вынужденное *«хорошо бы»*, а Роллан в ответ: *«Это противоречит моим убеждениям»*.

Вот только лучше не было бы той безумной поездки в Москву вместе с Ролланом в жарком июне 1935 года. Адской пыткой было смотреть в отчужденные колючие глаза своего вытянувшегося 18-летнего сына, бормотать ему какие-то неуместно-ласковые слова, доста-

вать трясущимися руками из чемодана нелепые подарки. Не зная, о чем говорить, как себя держать...

Майя совершенно выбилась из сил от круговерти московских встреч и приемов. Сначала аудиенция у Сталина, в ходе которой Роллан пытался убедить советского вождя «*смягчить методы*», потом мучительные посиделки на даче у Горького, парад, пионеры, суэта...

Дома, на вилле Ольга, морально и физически измученная поездкой, Майя кинулась на шею Мадлен. Эта приземистая, устойчивая, как громоздкий комод, старая дева, одетая в неизменный серый костюм с букетиком запыхавшихся бумажных фиалок, была символом сохранности и реальности того маленького обретенного Майей мирка, где она научилась забывать прошлое и умертвлять чувство вины.

«Если это правда, я хочу умереть. Прямо сейчас»

...И вот гром грянул. Однажды почтальон принес свежие газеты, и в одной из них красовался опус **Анри Гильбо** под жирным заголовком «*Государственный брак Романа Роллана - узника Кремля*». Это был предательский удар; Майю представили «*подосланной к старичку Роллану шпионкой*».

Как бы то ни было, когда Ромен это прочел, с ним случилось что-то страшное: остановились, сделались бессмысленными глаза, затряслись руки, потом его стал колотить озноб.

Мадлен, впавшая просто в неистовство, сначала чуть не убила Майю тяжелой металлической чернильницей. Потерявшая голову, непричесанная, в домашнем неприглядном платье, столкнувшись с Майей на лестнице, она злобно выкрикнула:

- *Убирайся отсюда, дрянь, подлая дрянь! Я всегда подозревала!*

Потом упала перед братом на колени и начала растирать ему ледяные руки и ноги. Все думали, что у него удар.

...Все смешалось в доме Ролланов. Пожилая женщина тряслась в приступе негодующего кашля, перехватившего ей горло, перепуганная служанка Николь металась от нее к Роллану. В спальне суетился маленький юркий доктор: он ставил больному пиявки, стараясь оттянуть опасно прихлынувшую к голове кровь, и громко болтал какой-то вздор об опере, чтобы отвлечь больного.

Майя притаилась в смежной комнате, служившей кабинетом, и оттуда с ужасом наблюдала за багровым лицом мужа; особенно пугали его безжизненные, мертвые глаза. Он сказал ей утром:

- *Если это правда, я хочу умереть. Прямо сейчас. У меня есть пистолет.*

«Как страшно, господа, как страшно!»

И вот тогда Майя в отчаянии побежала топиться на озеро. Женевское озеро, излюбленное место их с Ролланом прогулок, озеро, в которое она влюбилась с первого взгляда. Спокойное, гладкое, вот и сегодня на нем ни морщинки. Это она переживает: бурю, а в природе тишь да гладь... Что делать? Что делать?

Утопиться? А что? Это хороший выход. Только она не знает как. Где-то Майя читала, что для этого надо камень к себе привязать - чтобы наверняка, но зачем привязывать, можно ведь и в карман положить...

Она оглядела себя - как нарочно, сегодня на ней платье без единого кармана. Или нет, надо что-то другое придумать: прямо отсюда она поедет на вокзал...

Какие глупости лезут в дурную голову! На вокзал! Отлично! А откуда куда? В Москву? А там ее под белы ручки и...

Она металась около озера уже, наверное, больше часа, не зная, как поступить. Вспоминала беспомощные глаза мужа, прочитавшего газету, его ужас, как он вскрикнул, отшвырнул листок, потом снова схватил и впился в него глазами.

- *Не может быть, не может быть...* - повторял он, читая, а потом зарыдал как ребенок, большой старый ребенок с детскими синими глазами.

...Перед глазами Майи, продолжавшей кружить по дорожкам вдоль берега, всплыло высокомерное лицо Мадлен Роллан. Та возненавидела Майю с первого взгляда, едва увидела ее на пороге. Но какое право имеет Мадлен, выросшая среди буржуазного французского благополучия, судить Майю?

Мадлен не совестилась рассказывать, что самым страшным переживанием в ее жизни был тот эпизод, когда ее напугала чужая коза: по неведомой причине коза якобы бежала по пятам за Мадлен, у которой сердце ушло в пятки от страха.

«Нам бы ваши проблемы, мадам!» - думала Майя. - *«Это конец, - молотком стучала в голове единственная мысль, - это конец, конец»*.

Они выставят ее на улицу с позором, с бесчестьем. Даже подумать больно, страшно, невыносимо, какую муку причинила статейка ее доверчивому Ромену! Он так трогательно любил ее... Если он этого не переживет, она наложит на себя руки - это решено.

А если переживет - то что же дальше? Куда Майе деваться? У нее нет больше дома, у нее практически нигде и никогда не было настоящего устойчивого дома - все какие-то временные пристанища... Как смотреть в глаза Мадлен?

Это клевета, я ни в чем не виновата! -

Через несколько часов, собрав в кулак все самообладание, Майя с порога выкрикнула эти слова Роллану. Мадлен, сидевшая у постели брата - доктор уже ушел, - плюнула ей в лицо. Схватив сестру за руку, Ромен слабо проговорил:

- *Не смей.*

Роллан не прогнал Майю, не говорил с ней ни о чем, а просто абсолютно отстранился, словно она из жены снова перешла в статус его помощницы и секретаря. Несколько недель после статьи Гильбо Роллан находился на грани жизни и смерти, его состояние врачи находили очень опасным. У него снова открылся туберкулезный процесс, он харкал кровью и очень страдал. Нанятая сиделка не отходила от него ни на шаг.

Положение Майи в доме было двусмысленным и мучительным: Мадлен, разумеется, ждала, что невестка со дня на день покинет их жилище; а чего ждал и хотел Роллан? Однажды Майя исхитрилась и на всякий случай выкрала из запирающегося ящика бюро Ромена пистолет.

Путь в Москву накануне войны ей был заказан - уже доходили мрачные слухи о том, что там творится, уже просочились сведения о повальных арестах. Она беспокоилась за сына - от него не было никаких известий.

Случилось так, что заболела Мадлен - слегла с сердцем, и врачи говорили, что ее необходимо отправить в хороший санаторий на длительное лечение.

Майя осталась с Ролланом одна. Сиделка стояла дорого, деньги были на исходе, и Майя решила отказаться от ее услуг и стала ухаживать за мужем сама: днем ночью меняла марлевые повязки, снимала приступы удушья, поила и кормила с ложки и была благодарна за одно то, что не гнал ее от себя, не брезговал ее услугами.

Ни сердечных слов, ни нежных жестов - ничего этого больше между ними не было. Роллан был вежлив и учтив, как в их первую встречу, и никто из них не касался того единственного, что жгло сердца обоих.

Предчувствуя войну, а возможно, и приближающую смерть, Роллан пожелал переехать во Францию. Майя взяла на себя все хлопоты по ужасающе утомительному переезду, присмотрела симпатичный дом в бургундском городке Везеле, неподалеку от места, где родился Роллан. И с огромными трудностями перетащила их налаженное

хозяйство - восемьдесят ящиков с книгами и рукописями, домашней утварью, кое-какую мебель, пять кошек, собаку...

После болезни Роллан очень изменился: теперь это был суетливый тревожный старик с трясущимися руками и неверной походкой, но он по-прежнему читал прессу, по-прежнему выступал с антимилитаристскими статьями.

Воспользовавшись моментом и поймав подходящее настроение Ромена, Майя наконец осуществила то, что давно задумала: она выплеснула Роллану все, что было в душе, - рассказала про «безоблачную» жизнь в Москве, про нищету, про «товарищей», про их «просьбишки»...

Ее понесло, она уже не могла остановиться, черпая запоздалое облегчение в этих признаниях. Поэтому он узнал и про батьку Ивана, и про своего доброго знакомого Дюамеля, и про случайных любовников-чекистов.

Открыла Майя и самое страшное: что своего единственного сына оставила в Москве заложником и что если перед кем она и виновата, так это перед ним. Роллан, завернувшись в теплый плед, слушал, не шевелясь, не моргая, замерев.

История повторяется...

Через несколько месяцев в город на мотоциклах въехали эсэсовцы. За ними последовали броневики, солдаты вермахта наводнили улицы и переулки маленького мирного французского городка Везеля. И снова она, Майя, оказалась в самой гуще событий, и снова вынырнул никуда не ушедший, леденящий душу страх - за все, за всех...

Все годы оккупации Майя дрожала за жизнь Роллана, по ночам сжигала его письма друзьям-антифашистам, его переписку с изданиями Французского сопротивления. Гитлеровцы не тронули старого больного писателя, он был им уже не опасен. Роллан умер в своей постели в Везеле накануне Нового года - 30 декабря 1944 года,

Майя закрыла Роллану глаза, а на следующий день узнала, что ее единственный сын Сергей погиб в бою, защищая Москву.

Следуя за гробом мужа, Мария Роллан внезапно ощутила, что куда-то исчез, испарился извечный страх, всегда, всю жизнь сопровождавший ее. Теперь его больше не было. Отныне ей нечего бояться - прожита жизнь, потеряно все, чем следовало дорожить, и стало вдруг легко, словно Майя заново родилась. А может быть, это просто означало, что ее душа умерла вместе с мужем и сыном?

P.S. Мария Павловна Роллан прожила еще сорок один год после смерти мужа практически безвыездно во Франции, до последнего дня занимаясь созданием и поддержанием музея Роллана и переводом его произведений. Вместе с ней жила до самой своей кончины больная, ослепшая Мадлен Роллан.

ЛИТЕРАТУРА:

1. **Роллан Р.** Собрание сочинений. - Т. 1-9. - М., 1983.
2. **Балахонов В.Е.** Ромен Роллан и его время. Ранние годы.- Л., 1972.
3. **Лу П.** Майя Кудашева и Ромен Роллан: Государственный брак/ Пегги Лу/ Караван историй. - 2008.- №12.- Стр. 248-271.
4. **Мотылева Т.** Творчество Ромена Роллана. - М.: «Гослитиздат», 1959.
5. Петрова Е. А. «Театр революции» Ромена Роллана.- М., 1979.